

Саберов Рушан Анвярович

ЭНДОНИМИКА СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ МАРИ XVIII-XXI ВВ.

В статье исследуются вопросы обозначения священнослужителей и вспомогательного персонала традиционного мариинского религиозного культа в XVIII-XXI веках. На основе применения компаративного, сравнительно-исторического методов делается вывод о том, что наиболее архетипичным определением служителя культа мари является эндоним "карт", а его помощника - "уч?". В настоящее время священнослужителя мариинской традиционной религии официально именуют "онаенг".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 145-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

момент картинах: подземный город в «Метрополисе» (1927), преступные организации из трилогии о докторе Мабузе (1922, 1955, 1960), параллельный монтаж сцен и камера, расположенная сверху, в «М» (1931) и т.д. Именно такой подход может считаться продуктивным как при анализе культуры послевоенной Германии, так и при изучении творческого наследия Фрица Ланга.

Список литературы

1. **Акопян О. Л.** Германия после Первой мировой войны: от унижения к нацизму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/57/52556> (дата обращения: 29.01.2016).
2. **Березкин Ю. Е.** Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991. 229 с.
3. **Зольников М. Е.** Ранние фильмы Фрица Ланга в контексте киноэкспрессионизма 1910-1920-х гг. («Усталая смерть» и «Нибелунги») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. 3. С. 63-66.
4. **Комм Д. Е.** Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 222 с.
5. **Критик Антон Долин рассказал о кинодостижениях Германии** [Электронный ресурс]: лекция, прочитанная 13.09.2014 г. на фестивале «Немецкий в кубе». URL: <http://www.m24.ru/articles/57522> (дата обращения: 29.01.2016).
6. **Сувестр П., Аллен М.** Фантомас. Таллин: Одамеэс, 1991. 304 с.
7. **Трофименков М. С.** Франция. Убийственный Париж. СПб.: Амфора, 2012. 480 с.

**IDEOLOGICAL AND ARTISTIC PECULIARITIES OF THE TWO-PART MOVIE
BY FRITZ LANG “THE SPIDERS” (1919, 1920) IN THE CONTEXT
OF SOCIO-CULTURAL LIFE OF GERMANY AFTER THE FIRST WORLD WAR**

Roman Sergei Nikolaevich, Ph. D. in Philology
Moscow State Regional Institute of Humanities
berbertolu44i@mail.ru

The article examines the artistic peculiarities of the two-part movie by Fritz Lang “The Spiders”. The author discovers the motives of the producer’s appeal to the adventure movie genre, shows the relation of his work with the evolution of German expressionism and the specifics of German life after the First World War. The researcher argues that the two-part movie should be considered not as a creative failure but as a cycle, which played an important role in the formation of the world cinematography classic’s creative manner.

Key words and phrases: film art; fictional film history; expressionism; adventure film; Fritz Lang.

УДК 395.3

Исторические науки и археология

В статье исследуются вопросы обозначения священнослужителей и вспомогательного персонала традиционного мариийского религиозного культа в XVIII-XXI веках. На основе применения компаративного, сравнительно-исторического методов делается вывод о том, что наиболее архетипичным определением служителя культа мари является эндоним «карт», а его помощника – «учо». В настоящее время священнослужителя мариийской традиционной религии официально именуют «онаенг».

Ключевые слова и фразы: мариийцы; традиционная религия; служитель культа; эндоним; XVIII-XXI вв.

Саберов Рушан Анвярович

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
saberow@yandex.ru

**ЭНДОНИМИКА СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА
ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ МАРИ XVIII-XXI ВВ.**

Целью данной работы является изучение зафиксированных научным сообществом архетипичных эндонимов, определяющих служителей автохтонного культа мари в XVIII-XXI вв.

В свете указанной цели исследования необходимо решить несколько задач. Во-первых, определить ключевые (маркерные) обозначения священнослужителей мари и их помощников. Во-вторых, провести этимологический анализ полученных в ходе исследования эндонимов, установив их сходие и различные черты.

Одним из важнейших аспектов отправляемого культа является вопрос о лингвистическом определении представителей рассматриваемого жреческого института. В различных религиях служителей культа именуют по-разному: волхв [15], жрец, священник, духовник. Это в определенной степени позволяет очертить круг их функциональных обязанностей [21].

Научная фиксация обозначений мариийских служителей культа и их помощников берет своё начало ещё в XVIII столетии. Так, исследователь Г. Ф. Миллер отмечал наличие в каждом народе «особливых людей». У черемис – «мушан или мушангече» (*Мушэдишэ – Р. С.*): седобородых стариков, состоящих в особом почтении.

В русском «варианте» – «ворожей», служба которых заключается в указании места и времени совершения моления, а также определении приносимого в жертву животного [2, с. 123; 13, с. 47]. По мнению ученого, данный служитель культа встречается у черемис один на четыре и более деревень [13, с. 47]. Исследователь также указывает на наличие иных «духовных лиц» – «юктуч», функции которых состоят в «учреждении порядков» при отправлении культа и «чтении молитв» [Там же, с. 53].

Привлекает внимание замечание Миллера об отсутствии у иных этносов жрецов в силу того, что их функции исполняет глава семьи [Там же, с. 54]. Рассматриваемое явление характерно как для марийцев, так и для других представителей финно-угорской группы (мордвы, удмуртов). Однако анализ материалов, освещающих вопросы отправления религиозного культа рассматриваемой группы этносов, показывает, что общественными мольбищами всегда «заведуют» специальные «духовные лица».

Исследователь П. И. Рычков при обозначении служителей культа ограничивался указаниями на ворожца и выбираемого для совершения обряда «престарелого» человека [19, с. 81, 86]. Наиболее подробно из ученых XVIII века о жреческом институте писал И. Г. Георги. По его мнению, черемисы имеют своих собственных почитаемых служителей культа: «мушан» и «машан» (*Мужедше* – Р. С.). Упоминается также «первосвященник – югиш», функции которого заключаются в толковании снов, предсказании и волшебстве [4, с. 30-31]. Однако И. Г. Георги отмечал сокращение численности представителей данной категории священнослужителей (немногочисленность жрецов «мужедше» ранее отмечал Г. Ф. Миллер), вместо них миряне выбирали «пожилого, умного и беспорочного поведения человека, переименованного *Картом*, дают ему и помощника, под именем *Удше* (*Учö* – Р. С.)» [Там же, с. 31].

Описывая свадебный обряд и марийское моление, И. Г. Георги отождествлял зафиксированного ранее в сочинениях Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина «мушана» и «юктуч» с «картом» [Там же, с. 29, 33]. Следует отметить, что в работе Г. Ф. Миллера «мужедше» занимал более высокое положение, чем «юктуч», и не ставился с ним в один ряд на жреческой лестнице.

Таким образом, анализ работ научного сообщества XVIII века показал наличие следующих реликтов марийского жреческого института: «мушан» (мужедше), «юктуч», «карт», «удшо» (учö). Отметим, что дефиниция «юктуч» в представленном исследователями XVIII века виде в современном марийском языке не существует. Вероятно, слово «юктуч» является производным от «йүк, горное наречие юк» – 1. голос (звучание голосовых связок); в переносном смысле – голос (убеждение, внушение какой-либо идеи, суждение, оценка, мнение) [22, с. 154] – или от марийского «юкташ» – читать, предположим, читать молитву [25, с. 171]. Кроме того, жрец «юктуч» не фиксируется в источниках и научной литературе XIX-XX столетий. Предположим, что данная тенденция может указывать как на постепенную утрату рассматриваемого определения в памяти черемис, так и на слияние функций «юктуча» с «картом» и «мужедше». Следует также учесть, что в XIX столетии служитель культа со схожим «юктуч» функционалом фиксировался этнографом С. К. Кузнецовым [10, с. 74].

Архивные данные первой трети XIX века также подтверждают наличие особых духовных лиц у мари. Выделяются «сновидцы», которые на основании своих сновидений указывают пастве на необходимость совершения моления. В рапортах священника А. Даровского о молении 1828 года указывается, что сновидцами являлись трое: Иван Токметев, Семен Васильев и Василий Евсеев. В обязанности последних входило наблюдение за порядком совершаемого при деревне Кюпран Сола жертвоприношения [3, с. 84-86]. Подобную же особенность в последней четверти XIX века отмечал С. К. Кузнецов и в 20-х годах XX столетия В. М. Васильев; количество приносимых в жертву животных определяли пророки или ворожеи «ушшо-колшо» [1, с. 3, 6; 9, с. 456-457].

В дополнение к представленным выше архивным данным приведем сведения, сообщаемые Александрой Фукс и относящиеся к сороковым годам XIX века. В своей работе «Записки о чувствах и черемисах Казанской губернии» автор неоднократно фиксировала наличие жрецов «попов» – «картов» или, как отмечала исследовательница, – «юмланташ» [26, с. 197]. Вероятно, последний термин представляет собой производное от слова «юмылташ» – молиться [2, с. 291]. Встречается также сопоставление «карта» с «первосвященником».

Отдельного внимания заслуживает вопрос о существовании марийского «шаманизма». Некоторые исследователи выводят происхождение обозначения ворожца «мушана» от производной дефиниции «шаман». Казанский профессор Золотницкий допускал, что черемисское «мужан» («мошан») может означать «шаман» (перестановка звуков *ш* и *м* нередко используется во всех языках и наречиях). При этом Н. И. Золотницкий указывал, что марийский «карт» и горно-черемисский «мужан» при проведении обрядов, как и сибирский шаманам, облачается в особую ритуальную одежду, состоящую из белого длинного балахона, с красной нашивкой на груди из кумача и с черной позади из сукна, а также головного убора – высокой берестяной шапки [7, с. 15-16].

Позиция, занимаемая Н. И. Золотницким, нашла отклик в работе его современника – этнографа В. М. Михайловского. Рассматривая остатки шаманизма у марийцев, исследователь отождествлял шамана с черемисским ворожцом, знахарем, обозначая их общей дефиницией «карт» или «мужедэ» [14, с. 112-113].

Полемизируя с Н. И. Золотницким, его современник С. К. Кузнецов считал неприемлемым использование термина «шаманизм» в рамках марийской автохтонной религии [9, с. 456]. В силу выборности, открытости института жрецов – «картов», существование шаманской теократии у черемис отвергалось С. К. Кузнецовым. Вместе с тем, исследователь отмечал, что условно к сибирским шаманам приближался класс сновидцев «омы ужшы» («видящий сны») или «ужшы колшы» («видящий и слышащий») [Там же].

Несмотря на состоявшуюся полемику, исследовательскому сообществу XIX века так и не удалось выработать единую точку зрения по проблеме признания или непризнания наличия шаманизма у мари. Дискуссии по проблеме «марийского шаманизма» продолжаются вплоть до наших дней [28; 30].

Во второй половине XIX века, как и прежде, при изучении процесса отправления языческого культа мари фиксировались: сновидцы, жрецы (карты) и их помощники «уче», «уссо» (учо). Вместе с тем, имеются некоторые различия в названиях служителей культа. Прослеживается диссонанс при определении обозначения жреца у горных и восточных черемис. Во-первых, горные марийцы не имели картов, не знали / забыли слово «карт»; встречались также обозначения жреца как «кугузя» [11, с. 175]. Во-вторых, лицами, руководившими молениями, являются «мужаны» [6, с. 67; 29, с. 31].

Предположим, что объяснение первой позиции кроется в различии наречий марийского языка. Подобное отмечал исследователь С. К. Кузнецов: «Черемисский жрец (на горно-черемисском и восточно-луговом наречии – карт, на юго-восточном – кугузя; то и другое значит старик)» [9, с. 456]. Последний в современной орфографии – «кугыза, кугуза» – старик, старший мужчина [23, с. 81].

В процессе изучения религиозного комплекса восточных марийцев, проживающих в рассматриваемый хронологический период в Пермской, Оренбургской, Уфимской губерниях, ученые обозначали служителя культа как «мулла» [5, с. 31]. Более того, некоторые фиксировали и исконное название жреца – *кугузя* [27, с. 185]. Примечательно, что, описывая культ умерших у луговых черемис, исследователь С. К. Кузнецов отмечал разницу в обозначении священнослужителя в зависимости от их территориального расположения (проживания): «Созывается близкая родня, приглашается опытный жрец (карт – в Царевококшайском и Уржумском уездах, кугузя – в Малмалыжском, мулла – в Бирском и Красноуфимском)...» [8, с. 91]. Дефиниция «мулла», используемая марийцами при обозначении собственных духовных лиц, вероятнее всего, была перенята под влиянием ислама [5].

В отношении второго положения («мужаны» – руководители молений) следует сказать, что подобное, скорее, является исключением из общего правила [6, с. 67]. Так, этнограф В. М. Васильев указывал, что в силу почетности, набожности ворожцы иногда исполняли роль жрецов [1, с. 9]. Вместе с тем, не все исследователи допускали такую возможность. В частности, по мнению Г. Яковлева, служителей культа «картов» нельзя ставить в один ряд с ворожцами [29, с. 19].

Таким образом, анализ материала второй половины XIX – начала XX столетия показал наличие нескольких дефиниций, обозначающих служителей культа мари: «карт», «кугыза», в виде исключения – «мужан». У восточных марийцев – мулла (обозначение священнослужителя, перенятое под влиянием исламских религиозных традиций соседствующих с марийцами татар и башкир). Наиболее традиционным, широко распространенным названием, свидетельствующим о традиционности, сохранности данного языческого эндонима марийского жречества, является «карт».

Революционные события оказали огромное влияние на различные стороны жизни марийского социума. В 1917 году в городе Бирске Уфимской губернии 15-25 июля (по новому стилю – 25 июля – 7 августа) состоялся «Первый Всероссийский Съезд Мари» [18, с. 6]. Несмотря на поставленную цель съезда – сохранение самобытности, традиционности культуры и религии, – прослеживались попытки введения определенного новшества – унификация обозначения служителей культа – «онаенг» [24, с. 300]. Последнее, вероятно, подчеркивало руководящее, объединяющее начало духовных лиц для марийского народа. По «языковым терминам» – «карт», «кузыга», не разграничивались священнослужители луговых, горных, восточных мари.

Следует отметить, что, рассматривая жреческий институт «картов» 20-30-х годов XX столетия, ученый и этнограф Н. Маторин фиксировал, что в среде последних «выделяются “сновидцы”, “омыжужшы”, которым во сне бывает “откровение” какому богу и где и какую принести жертву» [12, с. 59]. Исследователь определял происхождение дефиниции «карт» из татарского языка в значении «старик». При этом подчеркивалось, что «иногда» служители культа носят название «мулла», перешедшее к марийцам под влиянием мусульман. Вместе с тем, в отличие от предшествующих столетий, в научный оборот входит термин «онаенг» [Там же, с. 56].

Исследователям первой трети XX столетия удалось зафиксировать множество вариантов эндонимов духовных лиц мари – ворожцов, колдунов и т.п. В. М. Васильев отмечает, что даже в среде ворожцов и колдунов имеются свои особенности. Он разделял их по достигаемой цели к моменту завершения обряда – «добрые и злые». К положительным относятся: «мужэдшэ» или «мужнчэ» – ворожец, «шувэдышэ» – заклинатель, «шинчан-ужшо» (или ужшо-колшо, кораз) – ясновидящий. К отрицательным: «йузо» или «вэдынь» – колдун, волшебник, а также «локтыз(ь)о» и «пужыкчо» – портящий [1, с. 4-5]. В своей работе В. М. Васильев допускал возможность совмещения функционала фигур колдуна и ворожца, но считает неправомерным их смешение [Там же, с. 16].

Обращаясь к проблеме обозначений представителей современного жреческого института мари, отметим, что по-прежнему наиболее распространенным «обозначением» служителей культа в научной литературе и периодической печати является «карт». Современный «священнослужитель» А. И. Рукавишников отмечает: «По-русски уже давно за нами слово “карт”» [20, с. 167]. Вместе с тем, в зависимости от территориальной, этнолингвистической принадлежности той или иной марийской этнической группы, выделяются и иные названия духовных лидеров: «кугузя» (кугыза) [9, с. 456], а также «мулла». Последняя дефиниция в большей степени фиксируется у марийцев, проживающих на территории Республики Башкортостан [16]. А. И. Рукавишников (священнослужитель Марийской традиционной религии Куженерского района республики Марий Эл) выводит этимологию рассматриваемого определения из иранского языка в значении «человек, владеющий тысячами, т.е. в подчинении его тысячи» [20, с. 167]. Вместе с тем, респондент указывает, что в марийском языке служитель культа называется «онаенг» [Там же]. Этнограф Н. С. Попов конкретизирует дату «перехода» к данному «обозначению» – июнь 1991 года [17, с. 95-96]. При этом в 2004 году марийские «муллы» подтвердили свое согласие на принятие данного «именования» [20, с. 167]. Интересен тот факт, что, рассматривая

вышеприведенных ворожца, сновидца, респондент указывает на возможность, даже, в некоторой степени, на необходимость наличия у карта навыков лекаря, травника, предсказателя погоды [Там же]. Несмотря на довольно обширный функциональный перечень, присущий служителю культа, исполнение колдовских практик последним категорически отрицается. Вместе с тем, отмечается возможность существования «колдунов» в более раннее время [Там же].

Таким образом, исследователям рассматриваемого хронологического периода удалось зафиксировать наличие следующих обозначений марийских служителей культа и их помощников: «мужедше» (ворожец), «юктуч», «карт», «кугузя» («кугыза»), «сновидец» («шинчан-ужшо» или «ужшо-колшо»), «учо», а также заимствований – «мулла». Современным эндонимом служителя культа мари являются архетипичный – «карт» и более современный – «онаенг». Данный вывод подтверждается также результатами проведенного среди служителей культа опроса: 88% из анкетированных указали в качестве обозначения священнослужителя марийской традиционной религии «карт» и «онаенг» (ПМА. Анкетирование).

Список литературы

1. **Васильев В. М.** Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927. 127 с.
2. **Васильев В. М., Учаев В. М.** Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 2003. 296 с.
3. **Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона:** сб. документов / науч. ред. К. Мацузато. Екатеринбург, 2002. 211 с.
4. **Георги И. Г.** Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1795. Ч. I. 117 с.
5. **Ерусланов П.** Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губернии. М., 1870. 63 с.
6. **Знаменский П.** Горные черемисы Казанского края // Вестник Европы. СПб., 1867. Т. IV. С. 30-71.
7. **Золотницкий Н. И.** Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Казань, 1877. 27 с.
8. **Кузнецов С. К.** Культ умерших и загробные верования луговых черемис (1905 г.) // Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола, 2009. С. 87-167.
9. **Кузнецов С. К.** Остатки язычества у черемис // Известия Императорского географического общества. СПб., 1886. Т. XXI. Вып. 6. С. 449-479.
10. **Кузнецов С. К.** Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры. Село Сернур Уржумского района // Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола, 2009. С. 73-76.
11. **Кузнецов С. К.** Четыре дня у черемис во время Сюрема // Известия Русского географического общества. СПб., 1880. Т. XV. Вып. III. С. 171-206.
12. **Маторин Н. М.** Религия у народов Волжско-Камского края. М., 1929. 175 с.
13. **Миллер Г. Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 131 с.
14. **Михайловский В. М.** Шаманство: сравнительно-этнографические очерки. М., 1892. Вып. I. 151 с.
15. **Михеева И. Б., Шиженский Р. В.** Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI в. (на примере дискурсов Н. Н. Сперанского) [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2015. № 1. URL: http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/5f2/9-proekty-religioznogo-stroitelstva-tsentr_monastyr_shkola-v-russkom-yazycheskom-dvizhenii.pdf (дата обращения: 19.01.2016).
16. **Паасонен Х.** Большой жертвенный праздник. Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие: сб. материалов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. Вып. 1. С. 139-150.
17. **Попов Н. С.** К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность). Йошкар-Ола, 2002. С. 92-121.
18. **Программа Всероссийского Съезда Мари** // Первый Всероссийский Съезд Мари: протоколы и материалы. Йошкар-Ола, 2006. С. 3-6.
19. **Рычков П. И.** Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 190 с.
20. **Саберов Р. А.** Интервью с А. И. Рукавишниковым // Colloquium heptaploeres. 2014. Вып. I. С. 163-170.
21. **Саберов Р. А., Шкалина Г. Е.** Институт жречества черемис и вотяков в XVIII – начале XX века: к проблеме сравнения и классификации [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2015. № 1. URL: http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/9b1/6-institut-zhrechestva-cheremis-i-votyakov-v-xviii_-nachale-xx-veka....pdf (дата обращения: 18.01.2016).
22. **Словарь марийского языка:** в 10-ти т. Йошкар-Ола, 1992. Т. 2. 464 с.
23. **Словарь марийского языка:** в 10-ти т. Йошкар-Ола, 1994. Т. 3. 501 с.
24. **Словарь марийского языка:** в 10-ти т. Йошкар-Ола, 1998. Т. 4. 383 с.
25. **Словарь марийского языка:** в 10-ти т. Йошкар-Ола, 2005. Т. 10. 256 с.
26. **Фукс А.** Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. 321 с.
27. **Черемшанский В. М.** Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 472 с.
28. **Шкалина Г. Е.** Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола, 2003. 208 с.
29. **Яковлев Г.** Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. 87 с.
30. **Norrál M.** Uralic Mythologies and Shamans. Budapest: Institute of Ethnology, 2010. 185 p.

Полевые материалы автора

1. Анкетирование служителей культа марийской традиционной религии. Г. Йошкар-Ола Республики Марий Эл, записи 2014 г.

**ENDONYMICS OF THE MINISTERS
OF THE TRADITIONAL MARI RELIGION OF THE XVIII-XXI CENTURIES**

Saberov Rushan Anvyarovich

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
saberow@yandex.ru*

The article examines the problems of designating the priests and peripheral staff of the traditional Mari religious cult in the XVIII-XXI centuries. Relying on comparative and comparative-historical methods the author concludes that the most archetypal definition of the Mari cult minister is the endonyme “*карм*”, and his assistant – “*учо*”. Nowadays the ministers of the Mari traditional religion are officially called “*онаенг*”.

Key words and phrases: the Mari people; traditional religion; cult minister; endonyme; the XVIII-XXI centuries.

УДК 78.03

Искусствоведение

В статье впервые предлагается модель русского варианта импрессионизма. Выделяются два ключевых уровня импрессионизма: философско-эстетический и музыкально-типологический. Показателями модели русского варианта импрессионизма служат: восприятие Мира (соотношение субъективного и объективного), воплощение Мира, трактовка сюжета или образа, музыкальный язык. На их основе моделируется матрица, позволяющая объяснить эстетику импрессионизма и импрессионистские методы (абсолютизация мгновения и колористика).

Ключевые слова и фразы: импрессионизм; эстетика импрессионизма; музыкальный язык импрессионизма; русский вариант импрессионизма; модель; матрица; импрессионистские методы.

Садуова Алия Талгатовна, к. искусствоведения

*Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова
aliya_saduova@mail.ru*

МАТРИЦА РУССКОГО ВАРИАНТА МУЗЫКАЛЬНОГО ИМПРЕССИОНИЗМА

Импрессионизм, несмотря на свое поэтическое и незамысловатое название, переводящееся с французского как «впечатление», достаточно сложен. Проявив себя в разных видах искусства и обладая множественными межвидовыми связями и влияниями, он, тем не менее, остается едва уловимым для описания: каждый вид искусства по-своему трактовал живописные принципы импрессионизма; а зачастую восприятие этих принципов было опосредованным, косвенным. Неслучайно сегодня импрессионизм определяют как «целостный феномен искусства, существующий в единстве противоречивых устремлений и многообразии художественных открытий» [1, с. 83]. Поэтому представить абсолютно полную «картину» данного направления трудно, как трудно дать ему точное определение. При всем множестве работ, связанных с импрессионизмом, найти ответ на данный вопрос непросто. Возможно, в некоторой степени, разрешить данную проблему сможет модель.

Прежде всего, определимся с самим понятием «модель». Наиболее близкими к задаче данной работы представляются взаимодополняющие значения, предложенные Р. Шенноном и Ю. М. Лотманом. Модель, по мнению Р. Шеннона, – «это представление объекта, системы или идеи в некоторой форме, отличной от самой целостности» [3, с. 222]; по Ю. М. Лотману, – это «аналог познаваемого объекта, заменяющий его в процессе познания» [2, с. 387]. Для удобства на их основе дадим рабочее определение модели: это такое представление объекта, которое отличается от объекта по своей форме, но заменяет его в процессе познания.

Модели могут быть разных видов, но в целом их группируют вокруг трех базовых типов: физической, математической и аналоговой. «Физическая модель представляет то, что исследуется с помощью увеличенного или уменьшенного объекта или системы», – считают исследователи [3, с. 225]. «В математической модели, называемой также символической, – продолжают авторы, – используются символы для описания свойств или характеристик объекта или события» [Там же, с. 226]. В свою очередь, «аналоговая модель представляет исследуемый объект аналогом, который ведет себя как реальный объект, но не выглядит как таковой» [Там же]. В гуманитарных науках чаще используется аналоговая модель. Способов создания таких моделей неограниченное множество. К таким моделям можно отнести график, организационную схему – графическое, схематическое описание каких-либо явлений или процессов. Представляется, что именно с помощью аналогового моделирования можно построить матрицу русского варианта музыкального импрессионизма.

Понятие «матрица» используется в разных науках (в математике, физике, экономике, менеджменте и пр.). В большинстве случаев под матрицей понимается прямоугольная или квадратная таблица (схема). Причем,